

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ**

Том 3

ДОНЕЦК – 2006

ББК Т4в83я54
С873

**С873 Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.3./ Гл. ред. Евглевский А.В.;
Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. – Т.3. – Донецк: ДонНУ, 2006. – 514 с.**

Продолжающееся издание научных работ по знаковым системам в археологии
Рассчитан на специалистов в области археологии, искусствоведения, этнологии, истории, семиотики

Рекомендовано к печати ученым советом Донецкого национального университета

Утверждено к печати ученым советом Института археологии НАН Украины

Главный редактор Евглевский А.В. (Донецк, ДонНУ)

Редакционная коллегия тома:

д-р ист.наук Антонова Е.В. (Москва, Институт востоковедения)
д-р ист.наук Беспалов Н.Е. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук Добров П.В. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук Ерхов Г.П. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук Крапивин А.В. (Донецк, ДонНУ)
член-кор. НАНУ Моця А.П. (Киев, Институт археологии)
д-р ист.наук Никольский В.Н. (Донецк, ДонНУ)
д-р ист.наук Примуш Н.В. (Донецк, ДонНУ)

Сборник подготовлен археологической научно-исследовательской группой при кафедре истории Украины исторического факультета ДонНУ (руководитель темы – профессор П.В.Добров, доктор исторических наук, академик Украинской академии исторических наук, заслуженный работник образования Украины)

Серия основана в 2002 г.

Издание утверждено ВАК Украины (свидетельство: серия КВ № 9268)

© Донецкий национальный университет, 2006

© Автор проекта Евглевский А.В., 2006

© Антонова Е.В., Баерс А.М., Бауэр А., Беднарик Р.Г., Большов С.В., Вольная Г.Н., Гарден Ж.-К., Георгиу Д., Кечагиа Г., Клейн Л.С., Кузин-Лосев В.И., Литвиненко Р.А., Островерхов А.С., Полидович Ю.Б., Стефанович С., Столяр А.Д., Студзицкая С.В., Сырбу В., Уинчклер Дж., Уитакер Х., Усачук А.Н., Черемисин Д.В., 2006

© Выполнение переводов: Пилипенко Д.В., Потемкина Т.М., Волкова Т.Я., 2006

На обложке: фракийский золотой кувшинчик из Могильянского кургана с культовой сценой, IV в. до н.э. (г.Враца, Болгария)

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КУЛЬТУРЫ БАБИНО

Постановка вопроса и предпосылки исследования

Традиционно при характеристике погребений различных культур и эпох исследователи, кроме всех прочих данных, указывают ориентировку умершего. Причем в качестве ориентировки традиционно выбирают направление, куда умерший обращен головой, точнее теменем (сводом черепа). Вполне понятно, что этот признак в свое время был выбран формально, для обеспечения задач фиксации и описания конкретного комплекса, а не его интерпретации. И до определенного момента такой порядок, сложившийся в отношении характеристики тех или иных погребальных памятников, считался более-менее удовлетворительным. Со временем, в процессе накопления археологических знаний, выхода на качественно новый уровень исследовательских задач и усложнения самих исследовательских процедур, археологами стала осознаваться необходимость внесения корректив в существующие схемы и шаблоны описания погребальных памятников, в частности показателя ориентировки умерших. Сложно говорить об отечественной археологии в целом, но применительно к древностям степной бронзы или так называемым “курганам культурам” впервые такая необходимость была понята и начала реализовываться в процессе исследования памятников катакомбных культур среднебронзового века. Именно здесь, наряду с традиционным признаком ориентировки погребенного головой, стало учитываться направление, куда умерший был обращен лицом (Братченко С.Н., 1976, с.21). Сейчас с уверенностью можно сказать, что толчком к этому открытию послужила особенность самой погребальной конструкции – катакомбы, имеющей четко выраженный “вход-выход”, в сторону которого, как правило, умерший и обращен лицом, или куда он смотрит. Несмотря на выявлен-

ную значимость признака “обращенности умершего лицом”, он приобрел, если можно так выразиться, лишь камерное значение, то есть имеющее смысл только в ограниченных пределах катакомбного сооружения. Что же касается признака “обращенности умершего лицом по сторонам света”, то в изучении катакомбных культур он не получил общего признания и широкого использования. Напротив, была высказана мысль, что какие бы то ни было “абсолютные ориентировки по сторонам света, за исключением сектора в кургане, несущественны при характеристике погребений катакомбной культуры”, ибо “ориентировки отдельных частей погребального сооружения и погребенного зависят от места погребения в кургане” (Пустовалов С.Ж., 1992, с.43). На этом основании предложено вообще исключить из списка признаков катакомбных захоронений ориентировку по азимуту, заменив ее признаком “расположение головы погребенного относительно входа в камеру” (Пустовалов С.Ж., 1992, с.45). Несмотря на то, что приведенные в пользу этого доводы подтверждались и признавались другими специалистами, последние, тем не менее, не стали их абсолютизировать и полностью исключать из характеристики катакомбных погребальных памятников ориентировку умерших, найдя в ней определенное рациональное начало. В частности, для различных регионов Причерноморья отмечалась тенденция, согласно которой, при всей вариативности планировки катакомбных могил в кургане, разнообразии ориентировок самих погребальных сооружений, в большинстве случаев “погребенные оказываются обращенными лицом к солнечной стороне”, в секторе восток-юг-запад (Братченко С.Н., 1976, с.21; Дергачев В.А., 1986, с.100)¹.

Примечательно, что выявленные для катакомбных памятников особенности практически не повлияли на практику фиксации, описания и анализа погребений других культур эпохи бронзы, для

¹ В связи со сказанным и в контексте приведенной цитаты из монографии С.Н.Братченко, нам представляется необоснованным критический акцент в оценке его выводов, сделанный А.В.Кияшко, который считает, что в результате разработок по установлению зависимости ориентировок умерших от расположения погребения в кургане и от позиции умершего в камере катакомбы, исследователь будто бы признал ориентировку несущественной и “в результате вывел эту важную категорию из поля зрения своих учеников и последователей” (Кияшко А.В., 2002, с.67). Подтверждением нашей мысли являются как работы самого С.Н.Братченко (Братченко С.Н., 1976, с.33, рис.12; с.62, рис.28; с.80, рис.40; 2001, ч.1, с.22, 52), так и работы некоторых его учеников (Санжаров С.Н., 2001, с.50, табл.7; с.77, табл.13; с.102, 112, 116, табл.17).

которых продолжала и продолжает использоваться устоявшаяся традиция указания ориентировки умершего по направлению головы. В этом легко убедиться не только на основании массовых примеров из научных отчетов и публикаций, но и весьма показательных работ, посвященных анализу и интерпретации особенностей обряда ингумации и, в частности, ориентировок умерших в культурах бронзового века Юго-Восточной Европы (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с.136, прим.; Иванов В.А., 1978, с.72; Каменецкий И.С., 1986, с.154-156; Ковалева И.Ф., 1989, с.46-47, 55, 59; и др.).

В связи с вышесказанным, особое значение приобретают исследования и, без преувеличения, открытия, сделанные недавно А.В.Кияшко. Речь идет об установленных автором принципах организации погребального ритуала и выявленных таким образом локальных структурах погребальной обрядности поздней и катакомбной эпох Предкавказских степей (Кияшко А.В., 2001а; 2001в; 2002). В основу предложенных построений положены известные в религиях многих народов, в том числе индоевропейских, представления о переходе человека или его души после смерти в потусторонний мир и предусмотренные этими представлениями составляющие погребальной практики, призванной обеспечить умершего сородича всем необходимым для предстоящего путешествия, в том числе указать ему направление этого пути. Именно последней необходимостью объясняются многие пространственные характеристики погребальных памятников, в частности сектор впуска в курган, ориентация по сторонам света могильного сооружения, а также поза и направление лицом лежащего в могиле умершего. По мнению исследователя, привычное понятие “ориентировка по черепу” является “не имеющим особого смысла (кроме традиции фиксации в полевых условиях) формальным значением”, которое “никогда не совпадает с семантически значимым для души умершего направлением, потому что “за черепом”, “за затылком”, “сзади” по конкретным первобытным представлениям просто ничего не существует (потому что ничего не видно), или располагается враждебный мир, куда нет смысла направляться”. Исходя из сказанного, а также на основании осуществленного А.В.Кияшко анализа погребальных памятников поздней и всех катакомбных периодов, был сделан вывод о том, что семантически значимое направление для умерших, положенных на спине (позднейший ритуал), определялось “по ногам”, а для положенных на боку (катакомбный риту-

ал) – по направленности лицом, то есть к выходу из могильной камеры (Кияшко А.В., 2002, с.67-69).

Трудно сказать, в какой мере сделанные для степной средней бронзы открытия можно будет применить к различным культурам юга Восточной Европы, однако определенный стимулирующий толчок они уже дали. О первых шагах в использовании этих разработок применительно к памятникам посткатакомбного хронологического горизонта, объединяемым в рамках культурного феномена Бабино, и пойдет речь ниже².

Имеющиеся сегодня результаты в изучении погребального обряда культуры Бабино были подготовлены всем предшествующим ходом исследований в этом направлении. Особо выделим наиболее значимые из них, которые, по нашему мнению, предопределили возможности нынешнего исследовательского поиска. В середине 80 гг прошедшего века вышла небольшая, тезисная, однако очень важная работа О.Р.Дубовской, посвященная классификации и периодизации бабинских (многоваликовой керамики) захоронений Донетчины и Северо-Восточного Приазовья (Дубовская О.Р., 1985). В авторской схеме, подразделявшей весь массив бабинских комплексов по типу могильного сооружения на две группы (I – яма; II – деревянная рама), выделялись особые подгруппы, различающиеся положением костяков (А – левый бок с западной ориентировкой; Б – правый бок с восточной ориентировкой). По стратиграфическим данным, подгруппы IA, IB, IIА, IIБ представляли два ранних горизонта погребений Бабино по отношению к подгруппам IA₁, IB, которые нас в данном случае предметно не интересуют. Соответственно подгруппы А и Б в группах I и II предположительно признавались синхронными. Для наглядности приводим два графических варианта классификационно-периодизационной схемы О.Р.Дубовской, один из которых выполнен ею самой, а другой – нами (рис.1; 2). Предложенная О.Р.Дубовской схема, несмотря на некоторые упущения, была шагом вперед, по сравнению с известными на то время для памятников Восточной Украины периодизацией И.А.Пислария (Писларий И.А., 1982; 1983) и для Левобережного Днепровского Предстепья периодизацией И.Ф.Ковалевой (Ковалева И.Ф., 1981), в которых ранний горизонт бабинских погребений был представлен исключительно комплексами с западной ориентировкой костяков.

Обозначенный нами аспект исследований О.Р.Дубовской нашел весьма неожиданное и интересное развитие в работе В.В.Отрощенко, к сожалению, тоже тезисной (Отрощенко В.В., 1992). Автор

² Собственно исходным толчком к нашим разработкам в данном направлении стало совместное с В.С.Бочкаревым обсуждение работы А.В.Кияшко (Кияшко А.В., 2001а), состоявшееся в марте 2002 г в Санкт-Петербурге во время работы Международной научной конференции “Степи Евразии в древности и средневековье”, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова.

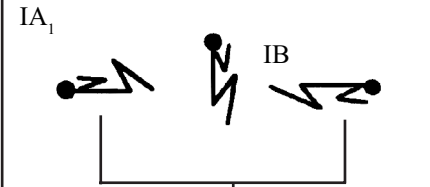
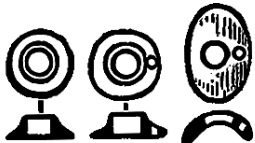
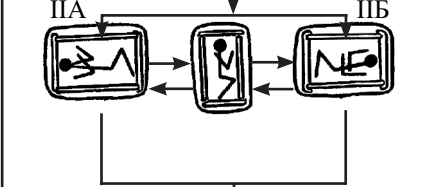
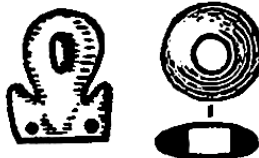
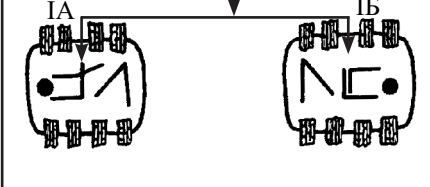
СГ	Обряд погребения	Типы пряжек
III стратиграф. горизонт	IA ₁ 	
II стратиграф. горизонт	IIA 	
I стратиграф. горизонт	IA 	

Рис. 1. Стратиграфические горизонты (СГ) погребений бабинской культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья (по: Дубовская О.Р., 1985; Отрощенко В.В., 2001, мал.10)

Fig. 1. Stratigraphical horizons (SH) of Babino Culture burials of the Severskiy Donets and the Northeastern Azov areas (by: Дубовская О.Р., 1985; Отрощенко В.В., 2001, мал.10)


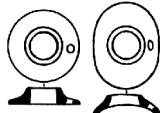

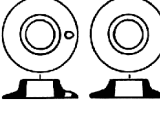


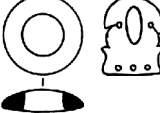


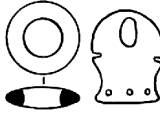

		Обряд	Тип пряжки	Инвентарь
Стратиграфические горизонты	IV			
	III			
	II			
	I			

Рис. 2. Стратиграфические горизонты погребений бабинской культуры Донетчины и Северо-Восточного Приазовья (по: Дубовская О.Р., 1985; Литвиненко Р.А., 2002, рис.5)

Fig. 2. Stratigraphical horizons of the burials of Babino Culture of Donetchina and Northeastern Azov areas (by: Дубовская О.Р., 1985; Литвиненко Р.А., 2002, рис.5)

на более широком территориальном фоне и обширной источниковой базе, охватывающей памятники Левобережной Украины и прилегающих районов Нижнего Подонья, осуществил всесторонний анализ той обрядовой группы раннего горизонта бабинской культуры, которая характеризуется правобочным положением и восточной ориентировкой умерших. Особенности погребального приданого и данные антропологических определений позволили предположительно отнести комплексы указанной обрядовой группы к захоронениям женщин, противопоставив их мужской обрядовой группе с присущими для нее левобочным положением и западной ориентировкой умерших.

Последующие исследования полностью подтвердили вывод В.В.Отрощенко о существовании на раннем этапе бабинской культуры обрядовой дифференциации мужских и женских захоронений, проявлявшейся не только на уровне погребального инвентаря, но и в особенностях положения умерших с использованием принципа бинарной оппозиции для разнополюх людей (Литвиненко Р.А., 2001а, с.168). Именно указанная особенность погребальной обрядности раннебабинского населения и привлекла наше внимание при попытке экстраполяции на нее выводов, сделанных А.В.Кияшко для позднейших и катакомбных древностей Степного Предкавказья.

Исследовательские процедуры и анализ источников

Приступая к решению задачи по выявлению пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино, мы исходили из установки, что такие характеристики погребения, как размещение его в пределах курганной насыпи, ориентировка погребального сооружения, ориентировка головой, обращенность корпусом и направленность лицом умершего, расположение предметов инвентаря в могиле, в т.ч. по отношению к умершему, все они или большая часть из них являются составляющими одной из важнейших универсалий – представлений древних о структуре пространства (Антонова Е.В., Раевский Д.С., 2002, с.18). Чтобы понять содержание и смысл этого своеобразного архаического текста, необходимо расшифровать так называемый пространственный код, включающий определенное множество знаков. При этом учитывалось, что, работая с источниками на уровне могильников, мы имеем дело не со всей пространственной моделью, а лишь с ее подсистемой и даже отдельными структурными элементами этого пространства. Можно предположить, что, поскольку речь идет о представлениях в сфере погребального обряда, то в вертикальной подсистеме пространства,

например трехчленной, они касались нижней зоны, так называемого загробного (подземного) мира. Структурообразующими элементами горизонтальной подсистемы пространства, вероятно, могли быть определенные секторы, с которыми мифологизированное представление человека соотносило важнейшие составляющие своего мировосприятия, в том числе универсальные оппозиции “жизнь – смерть”, “хорошее – плохое”, “мужское – женское”, “левое – правое”, “зад – перед” и др. Поскольку в погребальном обряде также реализовались представления о структуре и иерархичности пространства, то исследование через призму этой универсалии конкретных объектов погребального комплекса, выяснение их соотношения с определенными пространственными зонами, тем самым является начальным этапом познания семиотического бытия изучаемой культуры (Антонова Е.В., Раевский Д.С., 2002, с.18-19).

Итак, в обряде захоронения разнополюх индивидов культуры Бабино имела место определенная дифференциация, внешнее выражение которой мы обозначили выделением так называемых мужской и женской обрядовых групп. Но при всем этом должен был существовать и некий общий принцип, объединяющий обе обрядовые группы в рамках единой системы, которая определялась соответствующими нормами религиозно-мифологических представлений. Этот общий знаменатель и необходимо было найти в археологизированных проявлениях погребальной практики. Как нам известно, для мужских и женских захоронений традиционно фиксируемая ориентировка головой, или по черепу, была диаметрально противоположной (соответственно, западная и восточная); разумеется, противоположной была и ориентировка по ногам, если предположить значимость таковой; обращенность корпусом также не совпадала в обеих обрядовых группах (левобочная для мужчин, правобочная для женщин). Однако при всех этих различиях, имела место одна общая черта, которую и можно считать тем единым, особо значимым признаком: и в мужских, и в женских могилах уложенные по принципу бинарной оппозиции умершие имели одинаковую направленность лицом – в северную половину небесного круга (рис.3; 4). С учетом сезонных солнечных отклонений, при которых мужчины формально ориентированы головой в пределах сектора ЮЗ-З-СЗ, а женщины – в пределах сектора СВ-В-ЮВ, общая вариабельность показателя “направленность” находится в пределах сектора СЗ-С-СВ. Все сказанное позволяет определять северное направление или северный сектор пространства в качестве семантически значимого для бабинского погребального обряда.

Соблюдение принципа бинарной оппозиции в положении разнополюх умерших с общей северной направленностью лицом прослеживается не только

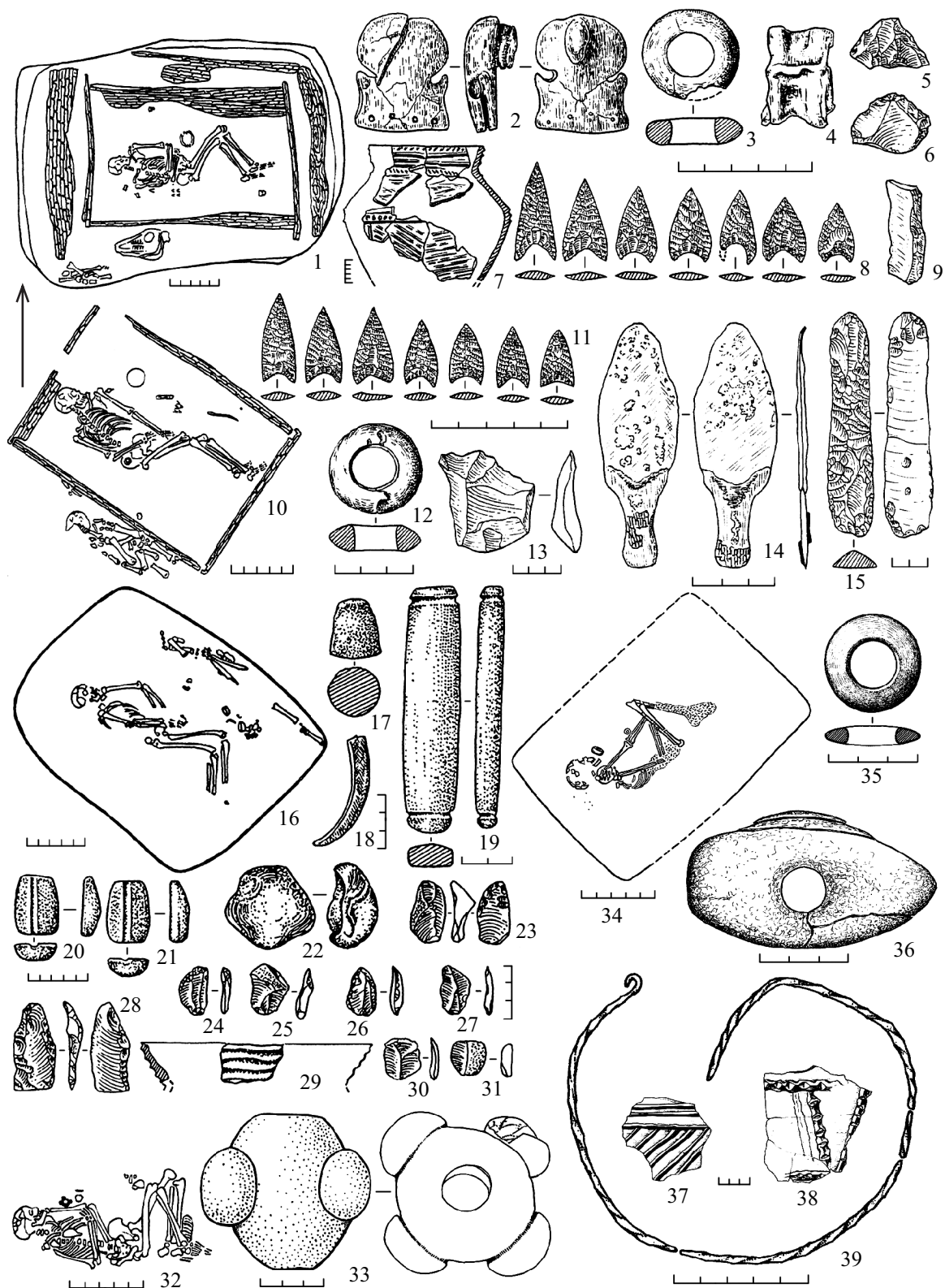


Рис. 3. Погребения мужской обрядовой группы культуры Бабино: 1-9 – Беева Могила п.3; 10-15 – Николаевка к.1 п.8; 16-31 – Приволье к.11 п.13; 32-33 – Устьман к.3 п.2; 34-39 – Керчик к.16 п.5
 Fig. 3. The burials of the male rite group of Babino Culture: 1-9 – Beieva Mogila burial 3; 10-15 – Nikolaevka barrow 1 burial 8; 16-31 – Privolie barrow 11 burial 13; 32-33 – Ustman barrow 3 burial 2; 34-39 – Kerchik barrow 16 burial 5

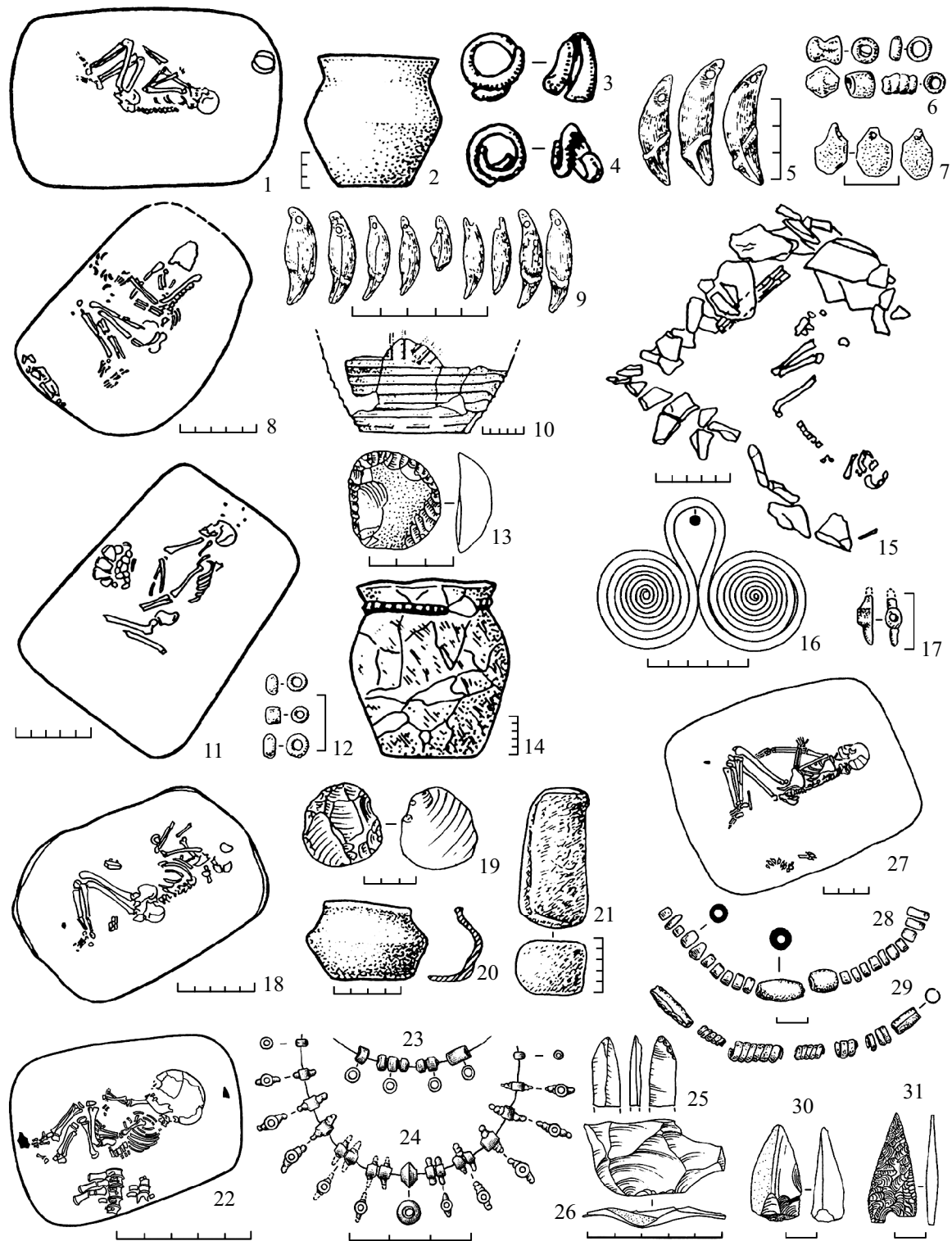


Рис. 4. Погребения женской обрядовой группы культуры Бабино: 1-7 – Андреевка к.1 п.1; 8-10 – Ильевка к.2 п.4; 11-14 – Высокое к.2 п.1; 15-17 – Шахтерск к.8 п.2; 18-21 – Чугуно-Крепинка к.1 п.1; 22-26 – Запорожец к.1 п.16; 27-31 – Керчик к.17 п.9

Fig. 4. The burials of the female rite group of Babino Culture: 1-7 – Andreievka barrow 1 burial 1; 8-10 – Ilievka barrow 2 burial 4; 11-14 – Vysokoie barrow 2 burial 1; 15-17 – Shakhtersk barrow 8 burial 2; 18-21 – Chuguno-Krepinka barrow 1 burial 1; 22-26 – Zaporozhets barrow 1 burial 16; 27-31 – Kerchik barrow 17 burial 9

для одиночных, но и для коллективных захоронений бабинской культуры (рис.5, 1, 4, 7). Впрочем, в немногочисленных парных и еще более редких тройных захоронениях это правило соблюдалось не всегда. В частности, бинарная оппозиция частично нарушалась в тех случаях, когда умерших необходимо было положить лицом друг к другу, то есть на первый план выступал какой-то иной, пока не известный нам, принцип взаимного расположения умерших в могиле (рис.5, 2, 3, 5, 6, 8)³. Как правило, в таких ситуациях для одного из покойников полностью соблюдены нормы формальной ориентировки головой, положения на соответствующий бок и направленность лицом к северу, а для другого – лишь частично, а именно положение на соответствующий бок. Можно предположить, что уложенный с соблюдением всех правил погребенный занимал доминантное положение в паре, а второй – подчиненное. Доступные данные свидетельствуют, что доминантную роль могли играть как мужчины, так и женщины. Справедливости ради заметим, что не только среди коллективных, но и индивидуальных погребений культуры Бабино встречаются отклонения от установленных обрядовых норм. В частности, известны единичные случаи, когда умершие, вероятно мужчины (судя по наличию костяного кольцевидного медальона-подвески раннего типа, называемого также “пряжкой”), при соблюдении западной ориентировки головой, укладывались на правый бок и таким образом оказывались направленными лицом к югу. Возможно, здесь проявилось сохранение пережиточной катакомбной традиции, известной по памятникам среднего и особенно позднего катакомбных периодов Северского Донца, представленной погребениями в ямах с ориентированными на запад и уложенными на правый бок костяками (Санжаров С.Н., 2002; Братченко С.Н., 2003, с.214; 2004, с.172). Возможно, аналогичными исключени-

ями для женщин (антропологические определения отсутствуют) являлись погребения с формальной восточной ориентировкой головы и положением тела на левый бок. Не находит пока объяснения и редкий вариант северной ориентировки головой с обращенностью на левый бок и восточной направленностью лицом.

Кроме приведенных соображений, касающихся принципов труположения, обратим внимание на некоторые другие факторы погребальной практики, которые, на наш взгляд, подтверждают сделанные выводы. Как показывает изучение курганной традиции катакомбного времени, в погребальном ритуале “происходило согласование двух направлений – внутрикурганного и внешнего общемирового” (Кияшко А.В., 2002, с.67). Логично предположить, что в чем-то похожие, но не обязательно идентичные, принципы соблюдались и в погребальном обряде наследовавшей катакомбный мир бабинской культуре. При этом внутримогильное положение и направленность умерших являлись лишь низшим уровнем в иерархии пространственных ориентиров. Убедительным подтверждением этому являются результаты впервые проведенного для бабинской культуры анализа планировки впускных могил в пределах курганной насыпи. Подчеркнем, что речь идет об особенностях планировки только комплексов раннего горизонта бабинской культуры (т.е. ее Днепро-Донской локально-хронологической группы), в которой имел место описанный выше принцип бинарно-оппозитного труположения мужчин и женщин с соблюдением северной направленности лицом. Так вот, сведение всех имеющихся у нас данных на единый планиграфический полигон⁴ продемонстрировало очень устойчивую тенденцию, согласно которой впускные захоронения бабинской культуры почти всегда располагались в северной половине кургана, то есть в той части насыпи, откуда остается открытым именно северное направле-

³ Среди погребений, в которых наблюдается взаимная обращенность умерших лицом, выделяются случаи, демонстрирующие во взаиморасположении тел мужчин и женщин особую “позу объятия” или “любовную позу”, изредка встречающуюся в некоторых культурах переходной от средней к поздней бронзе эпохи Восточной Европы и заслуживающую отдельного внимания.

⁴ При составлении планиграфического полигона соблюдался принцип сохранения единой радиальной градусной сетки и масштаба: размещение каждого погребения осуществлялось по отношению к центру той насыпи, которая существовала на момент его впуска, а не по отношению к реперу, установленному на момент раскопок. Разумеется, осуществлению этой работы предшествовал трудоемкий и кропотливый разбор стратиграфии многих десятков курганов. В итоге, на полигон нанесено более сотни погребений. Впрочем, на схему остались не нанесенными еще около двух-трех десятков комплексов, для которых мы не располагали точными координатами, однако, знаем, что расположены они в пределах СЗ и СВ секторов, то есть в северной половине кургана. Еще несколько могил, впущенных к северу от центра, остались за рамками схемы, поскольку выходили за пределы взятого нами 20-метрового радиуса полигона. Особо подчеркнем, что на схему преднамеренно не наносились те погребения, сектор впуска которых был заранее обусловлен известным стремлением размещать впускные бабинские погребения в той части насыпи (или даже за ее пределами, в межкурганном пространстве), которая была обращена к ближайшему из соседних курганов, что позволяло возвести объединительную досыпку. Как правило, такие случаи связаны с широтным наращиванием досыпок и формированием длинных курганов, а значит впуском связанных с ними бабинских погребений к востоку или западу от центра существующей насыпи, однако, никак не к югу.



Рис. 5. Коллективные погребения культуры Бабино: 1 – Спасское XI к.1 п.5; 2 – Вильно-Грушевка к.2 п.8; 3 – Губиниха II к.3 п.10; 4 – Репный I к.7 п.7; 5 – Николаевка к.2 п.1; 6 – Петрополье I к.1 п.2; 7 – Михайлики п.6; 8 – имение Г.И.Хаджопуло (Изыумский тракт) к.1 п.2

Fig. 5. The joint burials of Babino Culture: 1 – Spasskoe XI barrow 1 burial 5; 2 – Vilno-Grushevka barrow 2 burial 8; 3 – Gubinikha II barrow 3 burial 10; 4 – Repnyi I barrow 7 burial 7; 5 – Nikolaievka barrow 2 burial 1; 6 – Petropolie I barrow 1 burial 2; 7 – Mikhailiki burial 6; 8 – G.I.Khadzhopulo estate (Izyum road) barrow 1 burial 2

ние горизонта (рис.6). Выявленная тенденция, кроме всего прочего, показывает существенное отличие бабинского погребального обряда от катакомбного, для которого семантически значимым было солнечное направление ориентировок (направленность лицом), определяемое южной половиной небесного круга с включением востока и запада. Это обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что при переходе от позднекатакомбной к раннебабинской культуре, при сохранении бесспорной преемственности, наблюдаются кардинальные изменения погребальной обрядности,

очевидно, вызванные некими религиозными трансформациями. А потому на фоне общего комплекса изменений мы должны говорить не о переходе к очередной фазе развития археологической культуры, скажем, от позднекатакомбной к финальнокатакомбной (Санжаров С.Н., 2000; 2004, с.124-133), а о смене одной археологической культуры (катакомбной) – другой (бабинской) (Литвиненко Р.А., 2001б; Братченко С.Н., 2004, с.186).

В пользу рассмотренных выше аргументов, подтверждающих семантическую значимость в погребальном обряде бабинской культуры север-

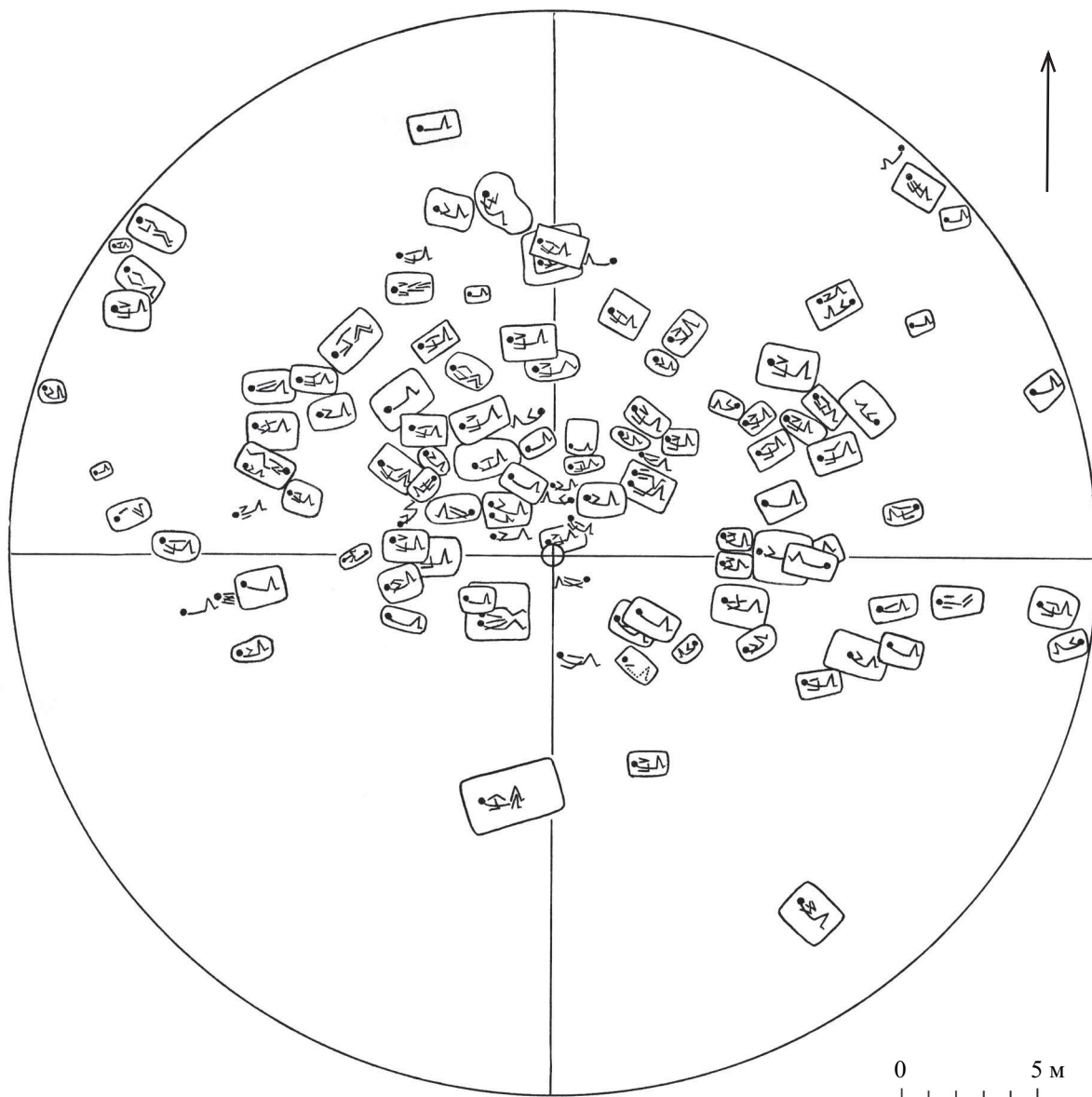


Рис. 6. План-схема размещения впускных погребений культуры Бабино на площади курганной насыпи (Днепро-Донская группа, ранний хронологический горизонт)

Fig. 6. The layout of Babino Culture intake burials location on the barrow mound area (The Dnieper-Don group, the early chronological horizon)

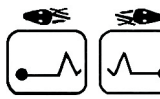
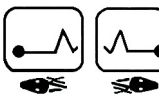


ного направления, приведем этому еще одно подтверждение. При этом обратимся к такой важной составляющей погребального ритуала многих бабинских захоронений, как сопровождающие их останки животных. Особо подчеркнем, что речь идет не о напутственной пище, а именно об особом ритуальном наборе в виде головы и четырех конечностей крупного, реже мелкого, рогатого скота, а также лошади, который нередко называют “шкурой” животного. Применительно к катакомбным культурам, в погребальном обряде которых достаточно широко использовались шкуры животных, подобные наборы интерпретируются как символы сопровождающего животного, спутника и проводника умершего в мир иной (Кияшко А.В., 2001б, с.100; 2002, с.70) или даже в качестве тяглого животного, везущего покойника в загробное царство (Гей А.Н., 1999, с.103-105; Смирнов А.М., 1996, с.117-118). Есть основания полагать, что подобную же смысловую нагрузку, а именно как имитацию сопровождающего животного (без уточнения: в качестве проводника или тянувшего повозку животного), шкуры сохраняли и в посткатакомбную эпоху, что фиксируется по памятникам бабинской и срубной культур (Литвиненко Р.А., 1997б; 2002б, с.184, рис.1, 1). Таким образом, если предположение наших коллег и наше собственное верно, то животному-проводнику во время предусмотренного “обрядом перехода” путешествия в потусторонний мир следует находиться впереди по отношению к умершему, то есть быть в поле его зрения. Очевидно, все эти установки соответствующим образом должны были отразиться в погребальном ритуале, в частности в особенностях локализации шкур животных по отношению к самому умершему. Проверка по указанному признаку дала следующие результаты. Все разнообразие случаев взаимного расположения шкуры животного и тела умершего можно разделить на 4 варианта: 1) перед умершим, то есть в той стороне, куда он обращен корпусом и направлен лицом; 2) за спиной умершего; 3) в ногах умершего; 4) в головах умершего (табл.1).

Статистика показывает, что наиболее массовым, а значит типичным, является вариант 1, зафиксиро-

ванный столько же раз, сколько три остальные варианта вместе взятые. Достаточно распространенным, встреченным в каждом третьем погребении, является расположение шкуры животного по варианту 3 – в ногах умершего. Нетипичными же можно признать варианты 2 и 4, то есть те случаи, когда сопровождающее животное находилось вне поля зрения умершего. Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что в выборе места для размещения шкуры, как возможного символа сопровождающего животного, предпочтение отдавалось тем вариантам, которые соответствовали направлению “перед умершим” или “впереди умершего”. При этом особо выделяется северное направление, что дополнительно подтверждает семантическую значимость севера в системе погребальных представлений носителей бабинской культуры.

Важно отметить, что исходная в наших построениях составляющая погребального ритуала, касающаяся принципов оппозитного положения и ориентировки разнополюх умерших, присутствует исключительно в раннем горизонте могильников Бабино, маркируемом костяными поясными пряжками с планкой и крючком, кольцевидными “пряжками-подвесками” (так называемыми “кольцевыми пряжками”), производственными наборами для изготовления стрел, каменными оселками, украшениями, в состав которых входили клыки хищников, металлические пронизи, бородавчатые и рожковые бусы из пасты (Литвиненко Р.А., 1997а). На втором этапе развития бабинская культура значительно расширяет свой ареал, а одновременно с этим демонстрирует и определенное размывание исходного образа, по крайней мере, на уровне погребального обряда. На огромном пространстве степи и лесостепи между Волгой и Дунаем происходит сложение локальных (локально-хронологических) вариантов Бабино с их особенностями погребальных традиций, в которых, надо думать, нашли отражение и региональные традиции, связанные с теми местными субстратами, на которые накладывался исходный импульс, идущий из Азово-Днепро-Донецкого очага культурогенеза Бабино. Так, область первичного

Табл. 1. Тенденции размещения шкуры животного по отношению к умершему в погребениях культуры Бибино

Вариант	1	2	3	4	Всего
					
Количество	47	13	32	3	95
Удельный вес	49,5%	13,7%	33,7%	3,1%	100%

бабинского ареала, несколько расширившая свои границы между Днепром и Доном на втором этапе культуры (в могильниках этот горизонт маркируется кольцевидными “пряжками-подвесками” с бортиком вокруг центрального отверстия), уже не демонстрирует интересующей нас особенности погребального обряда в виде дифференциации по половому признаку. По крайней мере, в это время исчезает женская обрядовая группа, характеризующаяся скорченным положением на правом боку и ориентировкой в восточный сектор. В то же время сохраняется так называемая мужская обрядовая группа с присущим ей положением на левом боку и западными ориентировками. Имеющиеся антропологические определения свидетельствуют о том, что эта обрядовая группа уже объединяет в себе не только захоронения мужчин, но и женщин. При этом сохраняется принцип размещения впускных погребений в пределах северной половины курганной насыпи. Таким образом, от исходных принципов погребального обряда на втором этапе сохранились лишь общая направленность лицом в северный сектор лежащих уже в одинаковой позе и ориентировке разнополых умерших, а также соответствующая планировка впускных захоронений.

На втором этапе, возможно, в завершающей его фазе, в Днепро-Донской группе Бабино, наряду с вышеупомянутой, появляется еще одна, сравнительно немногочисленная обрядовая группа погребений (по предварительному подсчету 35-40 достоверных комплексов), сопровождаемая кольцевидными “пряжками-подвесками” с бортиком, а также их несколько более поздней разновидностью с малым дополнительным отверстием. Признаком этой обрядовой группы является южная ориентировка умерших. Территориально эта группа тяготеет к бассейну Нижнего Дона с прилегающими районами Северского Донца. В пределах данной обрядовой группы выделяются две подгруппы, различающиеся положением умерших на правый или левый бок. Количественно преобладающей является подгруппа с левобочным положением умерших (30 комплексов). Имеющиеся антропологические определения (7 комплексов) и устойчивая связь с этой подгруппой костяных кольцевидных “пряжек-подвесок” (11 комплексов) позволяет связывать ее с захоронениями мужчин. Впрочем, в этой же подгруппе имеются единичные захоронения (2 комплекса), антропологически определенные как женские. Подгруппа с правобочными ингумациями немногочисленна (5 комплексов), однако, также включает захоронения мужчин (2 антропологических определения), одно из которых сопровождалось костяной “пряжкой-подвеской”. Таким образом, в пределах

обрядовой группы с южной ориентировкой не наблюдается однозначной корреляции между положением на правый/левый бок и показателем половой принадлежности.

В бассейне Нижнего Дона и Северского Донца известна также обрядовая группа бабинских погребений, характеризующаяся северной ориентировкой умерших (10 комплексов). Судя по типу костяных кольцевидных “пряжек-подвесок” с бортиком (как без, так и с малым дополнительным отверстием), эта обрядовая группа близка по времени или даже синхронна обрядовой группе с южной ориентировкой погребенных. В ней также выделяются количественно неравнозначные подгруппы: левобочная (9 комплексов) и правобочная (1 комплекс). Первоначально возникшее предположение о возможной альтернативности или оппозитивности этих групп (с северной и южной ориентировками) при проверке не нашло убедительного подтверждения, возможно, пока. Сложность сопоставления и анализа обусловлена очень малой представительностью группы с северной ориентировкой и, соответственно, крайним дефицитом антропологических определений пола. Тем не менее, удалось выяснить, что кольцевидные “пряжки-подвески” (обычные атрибуты мужчин) сопровождают в основном (4 случая из 5) левобочную подгруппу, однако однажды встречены и в правобочной подгруппе. Кроме того, чистоту наметившейся тенденции нарушает антропологическое определение одного из умерших в левобочной подгруппе как женщины, несмотря на сопровождение его “пряжкой-подвеской”. Таким образом, приведенные выше обстоятельства не позволяют окончательно разобраться в обрядовых принципах половой дифференциации доно-донецких бабинских погребений с северной и южной ориентировкой головой.

В чем-то близкая ситуация наблюдается и для памятников других локально-хронологических групп Бабино. Среди кажущейся неустойчивости и бессистемности в погребальных традициях этих групп, в целом поздних и вторичных по отношению к днепро-донскому очагу бабинского культурогенеза, при детальном анализе иногда удается выявить определенные обрядовые тенденции, в том числе касающиеся дифференциации умерших по половому признаку. Еще раз подчеркнем, что эти тенденции обычно имеют узколокальный характер и не всегда ярко выражены. В качестве наиболее наглядного примера такого рода приведем данные по сравнительно небольшому району Левобережного Среднего Поднепровья (левобережье Кременчугского водохранилища – Среднее Поворсклье). В раскопанных здесь курганах, как и в доно-донецких, выделяется группа погребений (до полутора десятка комплексов) с северной ориентировкой и двумя вариантами

положения костяков: на левом боку (8 комплексов) и на правом боку (6 комплексов). При этом левобочные захоронения устойчиво сопровождаются такими мужскими атрибутами как костяные кольцевидные “пряжки-подвески” (6 комплексов; антропологические определения отсутствуют), в то время как правобочные не имеют таких атрибутов и по антропологическим определениям (5 случаев) надежно относятся к женским. Таким образом, обрядовая группа с северной ориентировкой демонстрирует локальное проявление дифференциации умерших по половому признаку, которое выражается в положении мужчин на левый, а женщин на правый бок. Учитывая, что при таком расположении разнополюх умерших их направленность лицом оказывается противоположной (мужчин на восток, а женщин на запад), а общая северная ориентировка головой, как мы отмечали выше, вряд ли имела смысловое значение, рискнем допустить, что общим знаменателем данной обрядовой группы являлась направленность по ногам, позволяющая предположить в качестве семантически значимого южное направление. По типу костяных “пряжек-подвесок” (круглые, с бортиком и малым дополнительным отверстием) данная обрядовая группа погребений Левобережного Поднепровья синхронизируется с соответствующими комплексами рассмотренных выше групп (с северной и южной ориентировками) Нижнего Подонья и Северского Донца, а также находит в них убедительные обрядовые соответствия. В общей четырехступенчатой схеме периодизации культуры Бабино данная обрядовая группа может быть отнесена к третьему хронологическому горизонту. Это подтверждается не только типологией “пряжек-подвесок”, но и курганной стратиграфией, в соответствии с которой в Днепро-Донском междуречье горизонт погребений с меридиональными ориентировками перекрывается горизонтом захоронений с восточной и юго-восточной ориентировкой, маркируемым костяными “пряжками-подвесками” овальной формы с малым дополнительным отверстием.

Осуществление анализа под интересующим нас углом зрения для погребальных памятников степной Правобережной Украины, где в основном представлен поздний этап культуры Бабино, пока затруднено отсутствием в нашем распоряжении достаточного количества антропологических определений половой принадлежности умерших. Доступные же антропологические данные в комплексе с археологическим материалом (“пряжки-подвески” как атрибут мужчин) позволяют

говорить о том, что для мужских захоронений типичным являлось положение на левом боку, как и в других локально-хронологических группах Бабино. Относительно женских позиций ничего однозначного пока выявить не удалось. С большой долей уверенности можно также утверждать, что на позднем этапе культуры Бабино в ее погребальном обряде некоторым образом возрождаются катакомбные традиции. Это проявляется не только в широком распространении могильных конструкций в виде подбоев, но и в принципах планировки впускных погребений, а также особенностях ориентировки умерших. Для планировки захоронений типичным стало радиальное размещение могил (по окружности или дуге) в пределах южной половины насыпи. Под ориентировкой в данном случае имеется в виду не направление головой, которое, скорее всего, является формальным, а направленность лицом. На семантическую значимость именно этого показателя, как и в катакомбной культуре, намекает преобладающий тип могильного сооружения – яма с подбоем, в котором обычно соблюдался принцип направленности умершего лицом ко входу, а сам вход, т.е. входная яма, располагался со стороны полого кургана, тогда как камера направлена к центру. Учитывая же преобладающее размещение могил в южной половине насыпи, их вход, а значит и взгляд покойника, всегда был направлен в южный сектор. Правда, достигалось это несколько иначе, чем в захоронениях катакомбной культуры. Если для катакомбных групп Причерноморья, практиковавших скорченные ингумации (все катакомбные группы, кроме ингульской), приоритетным являлось укладывание умерших на правый бок, то в бабинской культуре эта традиция сменилась на противоположную – левобочную⁵. Это значит, что в размещенных по дуге катакомбах умершие, как правило, укладывались головой по часовой стрелке (Пустовалов С.Ж., 1992, с.58), а в подбоях бабинской культуры наоборот – против часовой (рис.7).

Поиск закономерностей в погребальных обрядах различных локально-хронологических групп Бабино, за которыми стоит значительный фонд археологических источников, требует объемной подготовительной работы, тщательного анализа многих данных и корреляции их с антропологическими определениями пола и возраста умерших. Оставляя эту работу на исследовательскую перспективу, мы продемонстрировали лишь несколько примеров выявления системообразующих принципов погребального обряда. Сделано это было преднаме-

⁵ Впрочем, несмотря на характерную для ингульской катакомбной культуры позу умерших вытянуто на спине, стандартное расположение тела в камере было таким, что входная шахта находилась справа от умершего, т.е. его взгляд на выход предполагал поворот головы или корпуса именно вправо, как и в катакомбах со скорченным обрядом ингумации (Пустовалов С.Ж., 1992, с.49, 129, 137, табл.Б, В).

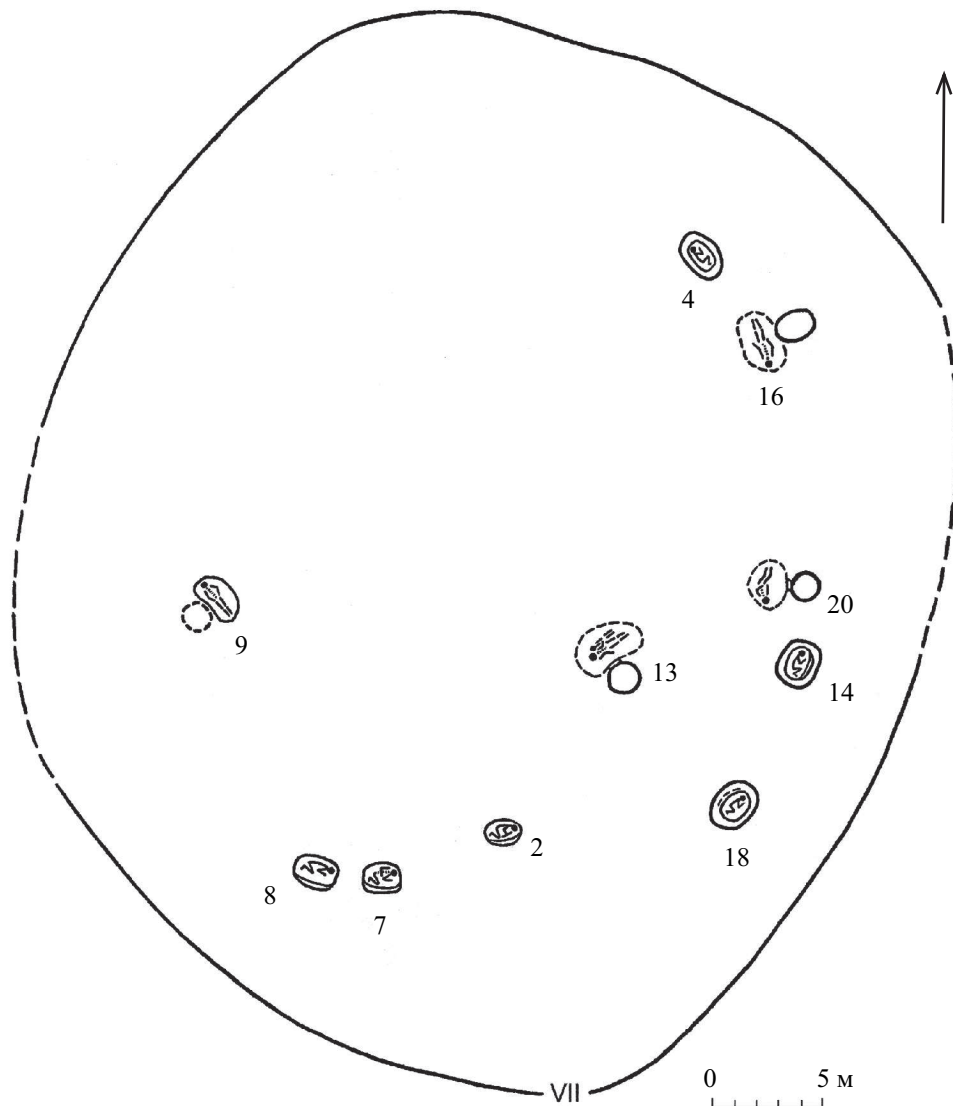


Рис. 7. Особенности планировки впускных погребений ингульской катакомбной культуры (9, 13, 16, 20) и днепро-днепровской бабинской (№ 2, 4, 7, 8, 14, 18) в насыпи VII кургана 27 у с.Павловка Николаевской обл.

Fig. 7. The layout particularities of Ingul Catacomb Culture intake burials (9, 13, 16 and 20) and Dnieper-Dnestr Babino intake burials (2, 4, 7, 8, 14 and 18) in mound VII of barrow 27 near Pavlovka village of Nikolaiev province

ренно, дабы показать неоправданность скепсиса или даже пессимизма, порой звучащего по поводу попыток систематизации погребальных памятников и реконструкции погребального обряда бабинской культуры (Березанская С.С., 1998, с.62-63; Колотухин В.А., 2003, с.50-51, 59).

Возвращаясь к тем установкам погребальной практики, которые связаны с пространственным размещением тела умершего человека и выявленной для него нормой бинарной оппозиции мужчин и женщин, и которые ярче всего представлены в могильниках раннего этапа Днепро-Донской группы

Бабино, заметим, что названная особенность обряда сегодня выглядит весьма необычной для степных обществ эпохи бронзы Восточной Европы, поскольку достоверно не зафиксирована ни в ямной, ни в катакомбной, ни в срубной, ни в других культурах очерченной зоны. Неубедительной выглядит и попытка поиска истоков этой особенности бабинского погребального ритуала в абашевской среде. Так, северную направленность лицом в бабинском обряде предложено соотносить с северной ориентацией головы (подчеркнуто нами – Р.Л.) в позднеабашевских захоронениях и оба эти явления рассматривать

в системе причинно-следственных связей: будто бы “абашевский инновационный импульс в позднекатакомбную среду” привел к сложению бабинской культуры (Санжаров С.Н., 2004, с.132)⁶. Напротив, в связи с северными ориентировками головой позднеабашевских и генетически связанных с ними покровских срубных захоронений заметим, что такие в абашевском погребальном обряде, вероятнее всего, должны рассматриваться в качестве наследия среднедонской катакомбной культуры, для развитого и особенно позднего (финального) периодов которой как раз и отмечается значительный удельный вес северных ориентировок (Матвеев Ю.П., 1990, с.49; 1998, с.12; Пряхин А.Д. и др., 1991, с.7, 12; Синюк А.Т., 1996, табл.9-12, рис.19, 4, 8; 41). Именно о катакомбно-абашевском, а не обратном абашевско-катакомбном векторе восприятия северных ориентировок и позы левобочной адорации неоднократно говорили исследователи (Матвеев Ю.П., 1998, с.19; Кияшко А.В., 2001в, с.271). Да и соображения хронологического порядка никак не позволяют принять тезис С.Н.Санжарова о воздействии позднеабашевской культуры Среднего Дона на позднекатакомбную культуру Северского Донца, поскольку они не просто занимают различные хронологические этапы, но на Северском Донце даже не стыкуются во времени, будучи разделенными горизонтом памятников культуры Бабино.

Тем не менее, в обрядовой дифференциации умерших по половому признаку все же следует видеть некую новацию, явившуюся составной частью общей культурной трансформации, которая привела к смене катакомбного горизонта культурами посткатакомбной эпохи – бабинской, лолинской, каменским и криволукским типами памятников и другими. Учитывая же отсутствие местных истоков интересующего нас явления погребальной обрядности, мы попытались найти их в ближайшем или сравнительно отдаленном культурном окружении. Результаты поиска оказались вполне определенными, ибо векторы найденных соответствий однозначно указывали на широкую область Средней и Восточной Европы, занятую позднешнуровыми и

































постшнуровыми культурами, характерной чертой погребальных традиций которых была бинарно-опозитная дифференциация по половому признаку.

Есть смысл привести соответствующие примеры, учитывая труднодоступность зарубежной литературы. При этом заметим, что сами имеем возможность оперировать лишь мизерной частью известных по библиографии изданий. Рассматриваемые ниже материалы сведены в таблице 2.

Традиция захоронения разнополых умерших с противоположными позами и ориентировками, судя по всему, восходит ко времени энеолитических культур шнуrowой керамики (КШК) и культурных групп колоколовидных кубков, относящихся к переходному от энеолита к бронзе периоду Западной Европы, синхронному катакомбному периоду Юго-Восточной Европы (более дробная синхронизация дана в: Братченко С.Н., 2001, ч.1, с.46-47). Для культур шнуrowой керамики вообще считается характерной половая дифференциация в погребальном обряде, при которой мужчины хоронились в скорченной правобочной позе с 3 (западной) ориентировкой головой, а женщины – в левобочной позе с В (восточной) ориентировкой, причем и те и другие направлены лицом на Ю (юг). В качестве примера можно привести могильник КШК Виклетце (Vikletice) в Северной Чехии (Buchvaldek M., Koutecký D., 1972, S.143, 146, 150, 160, 174, Abb.12), а также материалы группы (культуры) Хлопице-Веселе (Chlopice-Veselé), памятники которой занимали область Южной Польши, Юго-Западной Словакии и соседних районов Моравии (Свешников И.К., 1974, с.73; Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.249; Bd.III/3, Taf.518, D; Machnik J., 1977). Для культурных образований колоколовидных кубков, напротив, специфической и даже культурно-диагностической чертой признается правило захоронения мужчин в скорченной левобочной позе головой на С, а женщин – в правобочной позиции головой на Ю, при котором и те и другие лицом направлены на В (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.242; Bartelheim M., 1998, Teil 1, S.119). Для примера сошлемся на группу захоронений культуры колоколовидных кубков (погребения

⁶ В предложенной С.Н.Санжаровым аргументации прослеживаются некоторые нестыковки, которые можно объяснить преднамеренным или непреднамеренным отходом от концепции А.В.Кияшко, взятой им в качестве базовой. В частности, автор пишет (авторская морфология сохранена), что “у племен, не используемых катакомбные погребальные конструкции, доминирует общее направление умерших корпусом. Так, северная ориентация лицом в бабинских захоронениях соответствует северной ориентацией головой в позднеабашевских и финальноабашевских” (Санжаров С.Н., 2004, с.132). Из сказанного напрашивается вывод: если для бабинского населения, действительно не использовавшего катакомбные могилы, приоритетной в обряде была обращенность корпусом и соответствующая направленность лицом к северу, то его противопоставление северной ориентировке головой у абашевского населения предполагает, что последние якобы использовали катакомбы. Однако всем известно, что абашевская погребальная традиция предполагала исключительно ямные конструкции. Кроме того, как показал А.В.Кияшко, обращенность корпусом была одним из определяющих принципов размещения умерших именно в катакомбных могилах, а потому сохраняла особую значимость для носителей именно катакомбных культур. Таким образом, логика рассуждений С.Н.Санжарова осталась непонятной, по крайней мере, для нас.

Табл. 2. Бинарно-опозитные позы и ориентировки разнополюх погребенных в памятниках бронзового века Средней и Восточной Европы

Культура (группа, тип)	♂	♀	Направленность
Шнуровой керамики			↓
Хлопице Веселе			↓
Межановицкая			↓
Почапский тип			↓
Стжижовская			↓
Фатьяновская			↓
Алексеевский III			↓
Гурбаново			↓
Нитрянская			↓
			↑
			←
Колоколовидных кубков			→
Муреш			→
Унтервэльбинг			→
Штраубинг			↘
Бабино			↑

I-X) могильника у г.Холешов (Holešov) в Словакии (Ondráček J., Šebela L., 1985, s.80-84, obr.91, 156-165, tab.40-46; Stloukal M., 1985, s.168-169).

Раннебронзовый век Центральной Европы характеризуется сохранением и определенным развитием интересующей нас особенности погребального

обряда, фиксирующейся в целом ряде эписнуровых культур и культурных групп, синхронных позднекатакомбному и посткатакомбному горизонтам Юго-Восточной Европы (Братченко С.Н., 2001, ч.1, с.46-47). Причем, выделяется несколько вариантов бинарно-опозитной дифференциации умерших по

половому признаку (Bartelheim M., 1998, T.1, S.176). В Среднем-Верхнем Подунавье и Юго-Западной Германии можно найти вариант частичного противопоставления в виде обусловленной полом ориентировки на С или на Ю уложенных скорченно на правом боку умерших. В Потисье и Восточной Словакии встречается другой частичный вариант, при котором зависящая от пола ориентировка на С или на Ю дифференцирует левобочные скорченные ингумации. И, наконец, отдельные культурные группы Польши, Юго-Западной Словакии, Венгрии, Восточной Австрии, Южной и Западной Германии демонстрируют одновременное противопоставление разнополюх умерших как в отношении ориентировки, так и в отношении положения их на разный бок. Поскольку именно последний вариант находит соответствие в бабинской культуре, приведем иллюстрирующие его примеры.

Один из таких примеров дает Нитрянская группа или Нитрянская культура (нем. Nitra-Gruppe; чеш. Nitrianská kultúra) Западной Словакии (Моравии), локализуемая в бассейне левобережных притоков Дуная – рр.Ваг, Нитра и Гран. Некрополи Нитрянской группы представлены грунтовыми могильниками, насчитывающими до нескольких сотен захоронений (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.248). Наглядное представление о такого рода памятниках дает самый крупный из исследованных на сегодня словацкий могильник Холешов (Holešov), упоминавшийся выше, в котором раскопано 420 погребений нитрянской культурной принадлежности (Ondráček J., Šebela L., 1985; Stloukal M., 1985). Здесь наблюдается достаточно четкая дифференциация в особенностях положения разнополюх умерших, в соответствии с которой для мужчин типичной была скорченная поза на правом боку с З ориентировкой, а для женщин – на левом боку с В ориентировкой. При этом и те и другие имели общую направленность лицом на Ю, которую и следует расценивать как семантически значимую. Между тем, в Холешове известны еще два варианта бинарных оппозиций: а) мужчины, сохраняя З ориентировку, укладывались на левый бок, а женщины при обычной В ориентировке разворачивались на правый бок; при этом общая направленность лицом изменилась с Ю на С; б) мужчины, сохраняя типичную правобочную позу, ориентировались головой на С, а женщины при обычном для них левобочном положении ориентировались на Ю; в этом случае объединяющим значением являлась общая направленность лицом на З (Stloukal M., 1985, s.167). Учитывая крайнюю малочисленность подобных случаев, два последних варианта можно считать не находящими пока объяснения исключениями, не нарушающими, однако, правила бинарно-оппозитной дифференциации разнополюх умерших.

Традиция противопоставления в обряде мужских и женских захоронений путем диаметральных широтных ориентировок сохраняется и в группе Гурбаново (Hurbanovo), представляющей собой позднюю фазу Нитрянской культуры (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.250).

Западнее Нитрянской группы, в Северо-Восточной Австрии, расположена в целом синхронная ей группа Унтервэльблинг (нем. Unterwölbling Gruppe), погребальный обряд которой предполагал ингумации мужчин на левом боку головой на С, а женщин – на правом боку головой на Ю, при котором обеспечивалась общая направленность лицом к востоку (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.256).

Еще западнее, вверх по течению Дуная, с группой Унтервэльблинг соседствует близкая и одновременная ей группа Штраубинг (нем. Straubinger Gruppe) Южной Баварии. Она демонстрирует те же особенности бинарно-оппозитных ингумаций, с тем лишь отличием, что левобочная поза мужчин характеризуется СВ ориентировкой, а правобочная женская – ЮЗ, что предполагало общую направленность лицом на ЮВ (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.257).

Далее к северо-западу, на Среднем Рейне (Гессен), сосредоточены памятники группы Адлерберг (нем. Adlerberg-Gruppe), в целом синхронной вышеперечисленным группам Верхнего и Среднего Подунавья. В ее обряде погребения исследователи также отмечают дифференциацию полов, заключающуюся в положении умерших на разный бок с противоположными ориентировками головой: В – З или СВ – ЮЗ, реже С – Ю (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.260).

К юго-западу от группы Нитра, в правобережном междуречье Дуная и Раблы (Восточная Австрия и Западная Венгрия), сосредоточены памятники культуры Висельбург или Гата (нем. Wieselburger Kultur; Gáta-Kultur; венг. Gáta), характеризующиеся в погребальном ритуале противоположными ориентировками (ЮЗ и СВ, иногда З и В) и положением на разный бок мужчин и женщин (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.248).

Движение в юго-восточном направлении от Нитрянской культуры Моравии, в область Среднего Потисья (Юго-Восточная Венгрия и сербская Воеводина), приводит нас к синхронным с ними памятникам группы/культуры Периам или Перьямош (нем. Periam-Gruppe óder Perjámos-Kultur), в погребальном обряде которой также имела место половая дифференциация в положении умерших (Müller-Karpe H., 1974, Bd.III/1, S.248; Bóna I., 1975).

Далее к югу, в Нижнем Потисье (сербская Воеводина), в раннем бронзовом веке существовала культура Муреш (Maros, Maris, Mures) (Tasić N., 1984, S.33-51, 49-51, Karte 4). Представление о ее погребальных памятниках дает, например, грунтовый

могильник “Старый виноградник” у с.Остойичево, в котором исследовано 285 захоронений. В положении умерших зафиксировано следующее правило: мужчины лежали скорченно на левом боку с ориентировкой на С, а женщины – на правом боку с ориентировкой на Ю, что обеспечивало для тех и других направленность лицом на В (Гирић М., 1994).

К северо-востоку от Нитрянской культуры Моравии, в Южной Польше (Малопольше), расположена синхронная ей межановицкая культура (пол. *mierzanowicka kultura*), погребальный обряд которой предполагал бинарно-оппозитную дифференциацию в положении разнополых умерших (Machnik J., 1977, S.58-65, 88-92, 146, 152-154, 163-165; Kadrow S., Machnik J., 1997).

На востоке межановицкая культура граничит с постшнуровой стжижовской культурой (пол. *strzyżowska kultura*), занимавшей в основном область в междуречье верховий Западного Буга, Горыни и Случа (украинское Прикарпатье и Вольнь со смежными районами Юго-Восточной Польши) и в погребальном обряде которой, несмотря на его вариабельность и неустойчивость, прослежен также принцип бинарной оппозиции в положении мужчин и женщин. В частности, как показали материалы раскопанного И.К.Свешниковым кургана у с.Жорнив (Жорнов) и некоторых других памятников, для мужчин характерным было скорченное положение на правом боку головой на З или ЮЗ, а для женщин – скорченное положение на левом боку головой на В; при этом общим знаменателем для разнополых позиций являлась направленность лицом к Ю (Свешников И.К., 1974, с.124, 127-128). Немного южнее и юго-западнее ареала стжижовской культуры, в междуречье верховий Днестра и Западного Буга, находится еще одна группа памятников, относящаяся к Почапскому типу и рассматриваемая иногда в качестве локального варианта культуры Хлопице-Веселе⁷. Памятники Почапского типа, как по инвентарю, так и обряду погребения близки могильникам Хлопице-Веселе и также характеризуются противоположно направленным положением (правый – левый бок) и различной ориентировкой (З – В с отклонениями) для мужчин и женщин (Свешников И.К., 1974, с.73-74).

Исходя из уровня археологических знаний сегодняшнего дня, можно сказать, что далее к востоку от украинского Прикарпатья и Вольни прерывается область сплошного распространения культур, в погребальных обрядах которых имел место принцип противопоставления по половому признаку. Однако в Восточной Европе эта традиция не исчезает. Так,

применительно к интересующему нас времени (раннебронзовый век по номенклатуре Средней Европы, среднебронзовый век по хронологическим схемам Восточной Европы) соответствующие проявления погребальной обрядности можно найти в среднеднепровской культуре. Несмотря на определенную неустойчивость погребальных ритуалов, а также проблемы фиксации положения умерших (связанные с крайне неудовлетворительной сохранностью костяков), на некоторых памятниках удалось проследить правило, в соответствии с которым мужчины ориентировались головой на С, а женщины – на Ю (Артеменко И.И., 1964, с.77; 1967, с.83).

Говоря о традиции половой дифференциации в погребальном обряде, нельзя обойти вниманием и памятники фатьяновской культуры, занимавшей обширную лесную область Восточной Европы. “У фатьяновских племен [...] в основном выработался четкий обряд погребения мужчин на правом, а женщин на левом боку, соответственно их полу погребались и дети” (Крайнов Д.А., 1972, с.188). “В ориентировке головы [...] устанавливается определенная общая закономерность для всех фатьяновских племен, т.е. всюду мужчины погребены головой в западном направлении: запад, юго-запад, северо-запад, а женщины – в восточном: восток, юго-восток, северо-восток” (Крайнов Д.А., 1972, с.189). Примечательно, что при анализе фатьяновского обряда захоронения Д.А.Крайнов особое внимание обращал на ориентировку лица умерших, отмечая, что лицо погребенных мужчин и женщин всегда направлено в южную половину горизонта (с преобладанием направлений на ЮВ, Ю, ЮЗ, редкими значениями З и В) и никогда на север, т.е. “ориентировка лица давалась по солнцу” (Крайнов Д.А., 1972, с.191). Особо заметим, что распространение на значительных пространствах лесной зоны Восточной Европы, занятых фатьяновскими группами, интересующих нас принципов погребальных традиций следует рассматривать в контексте общего процесса сложения этого культурного явления, происшедшего в тесной связи с распространением из области пограничья черноморского и балтийского бассейнов в восточном и северо-восточном направлениях носителей культурных традиций шнуровой керамики и боевых топоров (Крайнов Д.А., 1972, с.259-266).

И последний из памятников, которым хотелось бы завершить перечень интересующих нас примеров, представлен Алексеевским III грунтовым могильником, находившимся на правом берегу Волги, на севере Саратовской обл. Первоначально

⁷ С учетом новых тенденций в историографии, в соответствии с которыми памятники культуры Хлопице-Веселе включены в состав межановицкой культуры в качестве ее прото- и ранней фаз (Kadrow S., Machnik J., 1997, S.26, 44, 160-163; Братченко С.Н., 2001, с.47), возможно, придется скорректировать и культурно-таксономический статус памятников почапского типа.

опубликованный как фатьяновский (Пестрикова В.И., 1979) позднее этот могильник был отнесен к кругу памятников типа Вольск-Лбище (Васильев И.Б., 1999, с.69-70; 2003, с.108). При наличии многочисленных исключений на Алексеевском III могильнике выделяются две группы захоронений, одна из которых представлена скорченными левобочными позами с восточной ориентировкой головы, а вторая – правобочными с западной ориентировкой. Несмотря на отсутствие антропологических определений, автор публикации предположила “возможность четкой поло-возрастной дифференциации погребений Алексеевского III могильника” и соотнесла погребения первой группы с женскими захоронениями фатьяновской культуры, а погребения второй группы – с захоронениями мужчин (Пестрикова В.И., 1979, с.107). От себя добавим, что подобная половая идентификация находит соответствия также в шнуровых и некоторых эпишнуровых культурах Средней Европы. Приведенными соображениями можно дополнить аргументацию И.Б.Васильева, который, основываясь, главным образом, на анализе металлических изделий вольско-лбищенских и других памятников, объяснял их появление проникновением или даже “прямым прорывом на восток” в Среднее Поволжье и Приуралье населения, связанного своим происхождением с западным кругом культур шнуровой керамики (Васильев И.Б., 1999, с.78; 2003, с.109).

Культурно-историческая оценка материалов

Для культурно-исторической оценки рассмотренных свидетельств целесообразно обратиться к карте (рис.8). Карта показывает, что во время, соответствующее катакомбному (средний и поздний периоды) и посткатакомбному (Бабино-Каменка-Ливенцовка-Лола-Кривая Лука)⁸ горизонтам восточноевропейских степей, значительная область Средней Европы (от Верхнего Рейна, через Верхнее и Среднее Подунавье до Западного и Северного Прикарпатья – Потисья, бассейнов верхних тече-

ний Одера, Вислы и Западного Буга) была занята тесно взаимодействовавшими между собой и очень близкими на уровне материальной (ярче всего в металле) и духовной (погребальный обряд) культур позднейшими шнуровыми и затем постшнуровыми культурными образованиями. Именно эта средневропейская зона ярче всего демонстрирует такую своеобразную черту погребального ритуала, как дифференциация умерших по принципу половой принадлежности, проявляющаяся как в составе погребального приданого, так и в особенностях укладки умерших в могиле на правый или левый бок, с той или иной диаметрально противоположной ориентировками головой, обеспечивавшей при этом единую для мужчин и женщин направленность лицом в семантически значимую сторону света. В Восточной Европе указанная особенность погребальной практики также известна, однако, распространена она была далеко не повсеместно, лишь в среде отдельных культур лесной зоны и прилегающей лесостепи. Примечательно, что все они демонстрируют близость со шнуровыми и эпишнуровыми культурами Средней Европы и, скорее всего, связаны с последними своим происхождением.

В южной же половине Восточной Европы, в среде скотоводческих катакомбных племен степи и лесостепи, традиции шнуровых культур в целом не получили широкого распространения⁹, что объясняется, скорее всего, иным вектором культурной ориентации и связей этой Причерноморско-Каспийской области, в значительной степени тяготеющей к Кавказу (Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985, с.418-419; Братченко С.Н., 2001, ч.1, с.53-70; Кияшко А.В., 1999, с.177; 2002, с.16-17, 31-33).

И вот, на этом степном восточноевропейском фоне, на сломе катакомбной эпохи появляется новое явление – культура Бабино, в облике которой, наряду с вполне объяснимым и достаточно выраженным катакомбным “наследием” (Литвиненко Р.А., 2002б), проявляются совершенно новые черты, не свойственные предшествующему автохтонному компоненту, зато находящие убедительные соответствия в среде предшествующих шнуровых и синхронных постшнуровых культур средневропейского пояса. Правда, ка-

⁸ Проблема относительной хронологии в пределах посткатакомбного горизонта Восточной Европы, куда относятся и памятники круга Бабино, и его синхронизации с культурными образованиями Среднеевропейской области требует детальной проработки и самостоятельного рассмотрения. Здесь же заметим, что имеющиеся в литературе подходы, согласно которым появление и ранний этап бабинской культуры соотносится со средневропейским периодом ВА₂ П.Рейнеке (Lichardus J., Vladař J., 1996, S.44), можно считать не соответствующим имеющемуся сегодня уровню знаний. Более оправданными и аргументированными следует признать схемы, в которых сложение культуры Бабино относится к периоду, синхронному со средневропейским ВА₁, во всяком случае, финальной его фазой, а поздний этап Бабино синхронизируется с периодом ВА₂ (Березанская С.С., 1986, с.38-39; Чмихов М.О., Черняков Т.И., 1988, с.105-106; Братченко С.Н., 2001, ч.1, с.47).

⁹ В данном случае имеются в виду комплексные показатели в материальной культуре и духовной сфере, а не отдельные проявления контактов и связей, которые отмечаются для западной и особенно северной зон катакомбной культурной области (Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985, с.407, 417, 420; Братченко С.Н., 2001, ч.1, с.63).

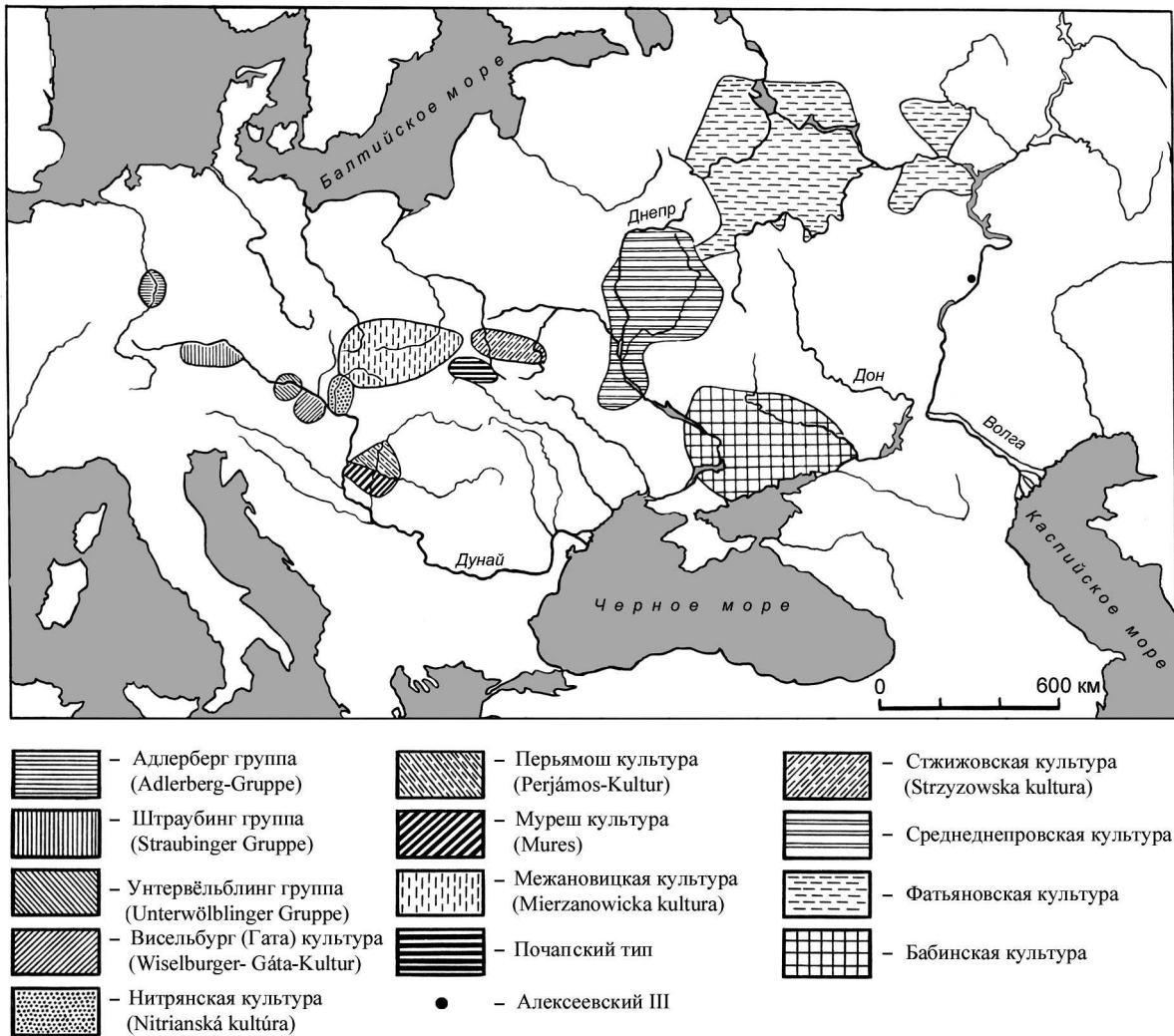


Рис. 8. Карта-схема распространения культур эпохи бронзы с бинарно-опозитной дифференциацией по половому признаку в погребальном обряде
 Fig. 8. The map of distribution of the Bronze Age cultures with binary-opposition differentiation according to sex in a funeral rite

такомбная культурная среда по-своему восприняла и переработала этот внешний импульс с его новыми идеями. Так, характерные для погребальных традиций большинства шнуровых и постшнуровых культурных групп ориентировки лицом в пределах южного полушария (условно “солнечные”) в ранней бабинской культуре изменились на противоположные северные. В то время как для культур шнуровой керамики и отдельных (но не всех) эпিশнуровых культур Центральной и Восточной Европы своеобразной константой в погребальном обряде можно признать положение мужчин на правом, а женщин на левом боку, в бабинской культуре этот принцип оппозиции принял прямо противоположное выражение: для мужчин правилом стало положение на левом боку, а для женщин – на правом. Впрочем, “бабинскому”

варианту также можно найти соответствия в среде культур колоколовидных кубков и некоторых постшнуровых групп Центральной Европы (см. табл.2). Кроме того, для определения реального соотношения в бабинском погребальном обряде местных и пришлых традиций следует на достаточно представительной источниковой базе проверить реальность отмеченной для Северного Причерноморья тенденции, согласно которой в катакомбных памятниках все же прослеживается половая дифференциация по признаку “положение на боку”: “правый бок характерен для женщин, а левый – для мужчин” (Пустовалов С.Ж., 1992, с.55, 129, табл.Б).

Показательно, что бабинско-эпিশнуровые параллели фиксируются не только в рассмотренной выше особенности погребального обряда, предусма-

тривавшей бинарно-оппозитную дифференциацию в положении и ориентировке разнополюх умерших, но также в различных наборах инвентаря для захоронений мужчин и женщин. Это последнее обстоятельство непосредственно связано с новациями на уровне материального комплекса бабинской культуры, истоки которых, вновь-таки, следует искать в среде позднешнуровых и эпишнуровых культур Средней Европы. Поскольку указанный аспект требует самостоятельного рассмотрения, укажем лишь на то, что в мужской гарнитур прочно вошли такие новые детали, как костяные поясные пряжки-запонки, кольцевые медальоны-подвески, каменные оселки с перетяжками, бронзовые гладкие или витые гривны, а в женский – шейные ожерелья и наручные наборные браслеты из клыков животных, различных типов костяных, пастьевых и каменных бус, бронзовых трубчатых и спиральных пронизей, бронзовые очковидные подвески, то есть те категории и даже типы украшений, которые, с одной стороны, хорошо известны в культурах эпишнурового горизонта Средней и Восточной Европы, а, с другой, абсолютно отсутствуют или слабо представлены в автохтонной катакомбной среде.

Заключение

Оценка общего облика ранней бабинской культуры Азово-Днепро-Донецкого региона в целом и

достаточно хорошо вычленяемых частей этого комплекса архетипов по отдельности, приводит к выводу о том, что в сложении новой культуры принимали участие, как минимум, два компонента. Один из них представлен местным позднекатакомбным субстратом (очевидно также не однокомпонентным), а другой – неким внешним импульсом, который условно можно назвать “шнуровым” или точнее “эпишнуровым”. Дать точную культурную идентификацию и конкретизировать эпицентр этого импульса пока не представляется возможным, но с учетом локализации соответствующих культурных образований можно достаточно уверенно говорить о том, что на Левобережную Украину он попал с северо-запада или севера. Поскольку все перечисленные новации в погребальном обряде и материальном комплексе бабинской культуры присутствуют только на раннем ее этапе, можно предположить, что реконструируемый нами постшнуровой импульс, сыгравший роль катализатора и способствовавший активизации культурогенетических процессов в позднекатакомбной среде, со временем иссяк или ослаб до такой степени, что определяющими в последующем развитии культуры Бабино стали иные составляющие и векторы связей. Предметная и, что особенно важно, комплексная разработка данного направления в перспективе позволит выйти на решение проблемы сложения культурного феномена Бабино.

Литература и архивные материалы

- Антонова Е.В., Раевский Д.С.**, 2002. Археология и семиотика// Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк.
- Артеменко И.И.**, 1964. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с.Ходосовичи Гомельской обл. БССР// Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Артеменко И.И.**, 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы// МИА. № 148.
- Березанская С.С.**, 1986. Культура многоваликовой керамики// Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.
- Березанская С.С.**, 1998. КМК – культура или керамический стиль// Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности с многоваликовой керамикой. Запорожье.
- Братченко С.Н.**, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.
- Братченко С.Н.**, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу: В 2-х ч. Луганськ.
- Братченко С.Н.**, 2003. Могили бронзової доби в басейні р.Деркул// Матеріали та дослідження по археології Східної України. № 1. Луганськ.
- Братченко С.Н.**, 2004. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н.е. та майдани// Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 2. Луганськ.
- Братченко С.Н., Шапошникова О.Г.**, 1985. Катакомбная культурно-историческая общность// Археология Украинской ССР: В 3-х т. Т.1. К.
- Васильев И.Б.**, 1999. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья// Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Васильев И.Б.**, 2003. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье: Материалы Международной научной конференции. Чебоксары.
- Гей А.Н.**, 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы// Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних

- идеологических представлений. М.
- Генинг В.В., Генинг В.Ф.**, 1985. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам света// Археология и методы исторических реконструкций. К.
- Гирић М.**, 1994. Остојићево – “Стари виногради”// Остојићево некропола бронзаног доба. Београд.
- Дергачев В.А.**, 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Дубовская О.Р.**, 1985. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья// Археология и краеведение – школе: Тезисы областного семинара. Донецк.
- Иванов В.А.**, 1978. Погребальный обряд как средство реконструкции некоторых космогонических представлений у племен срубной культуры// Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т.221. Куйбышев.
- Каменецкий И.С.**, 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая)// Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.
- Княшко А.В.**, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Княшко А.В.**, 2001а. Локально-хронологический анализ погребального обряда эпохи средней бронзы волго-донских степей// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конф. Астрахань.
- Княшко А.В.**, 2001б. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья// Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград.
- Княшко А.В.**, 2001в. Основные структуры погребального обряда эпохи средней бронзы степного Предкавказья// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып.17. Азов.
- Княшко А.В.**, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Ковалева И.Ф.**, 1981. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф.**, 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск.
- Колотухин В.А.**, 2003. Поздний бронзовый век Крыма. К.
- Крайнов Д.А.**, 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тыс. до н.э. М.
- Литвиненко Р.А.**, 1997а. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики// Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 3-го украинско-российского полевого археологического семинара. Киев; Воронеж; Перевальск.
- Литвиненко Р.А.**, 1997б. Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона// Материалы вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи. Історичні науки, політологія: В 2-х кн. Кн.1. Донецьк.
- Литвиненко Р.А.**, 2001а. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы// Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции. Самара.
- Литвиненко Р.А.**, 2001б. О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца// Донецкий археологический сборник. Вып.9. Донецк.
- Литвиненко Р.А.**, 2002а. Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры Днепро-Донского региона// Донецкий археологический сборник. Вып.10. Донецк.
- Литвиненко Р.А.**, 2002б. Катакомбное наследие в бабинской культуре// Степи Евразии в древности и средневековье: В 2-х кн. Кн.1. СПб.
- Матвеев Ю.П.**, 1990. Заключительный этап среднедонской катакомбной культуры// Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке: Материалы Международной научной конференции: Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции. Белгород.
- Матвеев Ю.П.**, 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Отрошенко В.В.**, 1992. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики// История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции. Харьков.
- Отрошенко В.В.**, 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К.
- Пестрикова В.И.**, 1979. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области// Древняя история Поволжья. Т.223. Куйбышев.
- Писларий И.А.**, 1982. О методе проверки однородности массива археологических памятников// Новые методы археологических исследований. К.
- Писларий И.А.**, 1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И.**, 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж.**, 1992. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья (по материалам погребального обряда). К.
- Санжаров С.Н.**, 2000. О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского Донца// Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Санжаров С.Н.**, 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Санжаров С.Н.**, 2002. О позднекатакомбных погребениях в ямах Северского Донца// Программа VIII Донской международной археологической конференции “Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа”. Ростов-на-Дону.
- Санжаров С.Н.**, 2004. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск.
- Свешніков І.К.**, 1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. К.
- Синюк А.Т.**, 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов А.М.**, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Чмихов М.О., Черняков І.Т.**, 1988. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. К.
- Bartelheim M.**, 1998. Studien zur böhmischen Aunjetitzer Kultur – Chronologische und chronologische Untersuchungen. Teil 1, 2 [Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin]// Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd.46. Bonn.
- Bóna I.**, 1975. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre Südöstlichen Beziehungen. Budapest.
- Buchvaldek M., Koutecký D.**, 1972. Interpretation des schnurkeramischen Gräberfeldes von Vikletice// Památky archeologické. LXIII-1. Praha.
- Kadrow S., Machnik J.**, 1997. Kultura mierzanowicka. Kraków.
- Lichardus J., Vladar J.**, 1996. Karpatenbecken-Sintašta-Mykene ein Beitrag zur definition der Bronzezeit als historischer epoche// Slovenská archeológia. XLIV. 1. Nitra.
- Machnik J.**, 1977. Frühbronzezeit Polens// Prace Komisji Arch. 15. Warszawa.
- Müller-Karpe H.**, 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. Bd.III; IV. München.
- Ondráček J., Šebela L.**, 1985. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (catalog nálezů)// Studie Muzea Kroměřížska. Kroměříž.
- Stloukal M.**, 1985. Antropologický rozbor koster z pohřebiště v Holešově// Studie Muzea Kroměřížska. Kroměříž.
- Tasić N.** (Hrsg.), 1984. Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans. Beograd.

Summary

R.A.Litvinenko (Ukraine, Donetsk)

ELUCIDATION OF SPACE-SEMANTIC STRUCTURES IN FUNERAL RITE OF BABINO CULTURE

The paper makes an attempt to highlight the structural elements of the funeral rite using the data of Babino Culture barrow burial grounds. These elements are considered as signs of a peculiar code acting in a horizontal spatial subsystem, probably, corresponding to the underworld kingdom in the world model. It has been found that the northern direction or northern spatial semicircle were of particular semantic significance in the funeral rite of Babino Culture because intake burials were placed in the northern part of the barrow mound; the deceased were faced to the north; the so-called accompanying animal (an oxen, a horse) was placed to the north from the dead. In the funeral rite the principle of binary opposition dividing space into the female part (the eastern, right) and the male part (the western, left) was observed. This contraposition is not characteristic of the preceding catacomb cultures; however, it has analogies with the Corded Ware and the epi-Corded Ware ceramic cultures of the Middle and Eastern Europe which may be indicative of their participation in the formation of the Babino Culture phenomenon.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2005 г

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Клейн Л.С. (Россия, Санкт-Петербург) Когнитивная археология и ее теории: Обзор новейшей литературы	7
Гарден Ж.-К. (Франция, Париж) Семиотические методы аргументации в археологии: Вклад в проблему “моста”	21
Столяр А.Д. (Россия, Санкт-Петербург) Проблема исторической гуманизации первобытной археологии эпох камня	51
Уинчклер Дж. (Аргентина, Буэнос-Айрес) К вопросу о семиотической основе археологического словаря	71
Бауэр А. (США, Филадельфия) Прагматическая семиотическая модель интерпретации материальной культуры	79
Беднарик Роберт Г. (Австралия, Сидней) Ранний и средний палеолит: Возникновение семиотики	89
Клейн Л.С. (Россия, Санкт-Петербург) Запятнанная классика	107
Кечагиа Г. (Греция, Фессалоники) Силуэты в наскальном искусстве	115
Столяр А.Д. (Россия, Санкт-Петербург) Архив археологических свидетельств генезиса первобытного (архаичного) сознания	129
Георгиу Д. (Румыния, Бухарест) Риторика ландшафта в Кукутени-Трипольской культуре	143
Георгиу Д. (Румыния, Бухарест) Семиотика магического мышления: Человеческое тело и глиняные фигурки в погребальных обрядах энеолита	153
Антонова Е.В. (Россия, Москва) Археологические свидетельства трансформации семейно-родовых покровителей в богов сложноструктурированных сообществ	159
Уиттакер Х. (Норвегия, Тромсё) Настольные игры и игровые фигурки в погребальных контекстах: Межкультурный подход	171
Стефанович С. (Сербия, Белград) Клыки животных как возможный символ высокого социального положения в эпоху ранней бронзы в Мокрине (Сербия)	201
Литвиненко Р.А. (Украина, Донецк) Опыт выявления пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино	215
Студзицкая С.В. (Россия, Москва) К семантике изображения лося и змеи на сейминско-турбинских бронзовых кинжалах “княжеского типа”	237
Усачук А.Н., Полидович Ю.Б. (Украина, Донецк) Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы	249
Кузин-Лосев В.И. (Украина, Донецк) Степи Восточной Европы в эпоху бронзы: Концепт истории и культура	269

Большов С.В. (Россия, Йошкар-Ола)	
Семантика абашевского орнамента (по материалам курганов Среднего Поволжья)	291
Сырбу В. (Румыния, Браила)	
Фракийцы: Иконография и образы	303
Черемисин Д.В. (Россия, Новосибирск)	
О языке искусства звериного стиля в пазырыкских погребальных комплексах	325
Полидович Ю.Б. (Украина, Донецк)	
Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода	355
Вольная Г.Н. (Россия, Владикавказ)	
Мотивы скифо-сибирского звериного стиля в “сценах охоты” на кавказских бронзовых ажурных поясах и пряжках	399
Островерхов А.С. (Украина, Ильичевск)	
Парадигмы древнего стекла (Очерк дискурсивной семиотики)	411
Баерс А.Мартин (Канада, Монреаль)	
Символическая прагматика в погребальных обычаях хоупвелла: Посмертное жертвоприношение и восстановление мира	469
Список сокращений	505
Краткие сведения об авторах	507